

18+

О, да! ПРОФЕССОР

ЖАСМИН МАЙЕР & АЛЯ КЬЮТ

Аля Кьют Жасмин Майер О да, профессор!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447200

SelfPub; 2019

Аннотация

Он мой профессор. Хмурый мужчина в черном, звездный писатель в прошлом. Как я буду сдавать лектуру этому фанату Гёте, если ни сном, ни духом в философии немецких книжников? Что ж, поэтому я и решила пойти по пути немецкого кинематографа: юбку покороче, шпоры подлинней! Ах да, а еще на мне не будет трусиков. О да, профессор, такого вы не ожидали? Изображение на обложке с сайта istock.

Содержание

Глава 1. Маргарита	4
Глава 2. Матвей	10
Глава 3. Маргарита	19
Глава 4. Матвей	25
Глава 5. Маргарита	34
Глава 6. Матвей	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1. Маргарита

– Не ссы ты так, Ритка, не завалит тебя Мефистофель! – проворчала Юлька, пихая меня в бок. – Ну, чего ты?

– Да задубела я уже, Юль!

Я обняла себя, пританцовывая на скромном весеннем солнышке. Ветер пробирался под короткую юбку, то и дело норовя задрать ее и продемонстрировать всему корпусу мои чулки.

Как знала, что нельзя верить прогнозу! Нифига еще не жарко, хоть и середина апреля. Надо было в джинсах и толстовке идти, а чертову юбку просто с собой взять. Переоделась бы перед сдачей, которую проклятый демон назначил аж на семь часов вечера! К тому времени в универе вообще ни одной живой души не останется.

А я окончательно превращусь в ледышку.

– Что делать, Ритк? – философски заметила Юля. – Практика показывает, что чем короче юбка на пересдаче у Мефиля, тем выше шансы!

– Не-на-ви-жу, – выбивали дробь мои зубы. – И курс этот, и немцев, и его самого!

Надо было пропустить этот год, как и хотела, когда меня на журфак не взяли, ничего страшного не случилось бы. Работала бы себе где-нибудь официанткой, а документы на следующий год снова подала бы.

Мечты-мечты. Родители не дали пропустить год, сказали, сама виновата, что профукала все сроки поступления. Не дали мне еще год гулять, спустя рукава, привели на филфак, где уж, конечно: никакого конкурса, никаких очередей! Потому что кому он вообще нужен этот филфак?

«Фак, фак, фак», – ответило эхо.

С тех пор с учебой у нас и не срослось. Я вроде и понимала, что уже этим летом могу подать документы и перевестись с филфака на недоступный журфак, но оценки, хвосты, долги тянули меня на дно, как камень несчастную Муму.

Пока долги не сдам – перевестись не смогу. Пока за ум не возьмусь – долги не сдам. А за ум я не возьмусь, потому что не-на-ви-жу филфак.

Фак, фак, фак!

Замкнутый круг, который я все-таки решила разорвать, когда выпросила пересдачу у Матвея Александровича, прозванного на потоке Мефистофелем за любовь к немецкой литературе и «Фаусту» Гете в частности.

Пора начинать ползти к своей мечте, Маргарита, как-никак апрель на носу!

Хотя судя по тому, что у меня сейчас пар начнет валить изо рта, апрель здесь даже близко не валялся. Самый настоящий февраль, так что достану чернил на чертовой пересдаче и зарыдаю от тоски и собственного экзистенциализма.

Как я буду сдавать лектуру этому фанату Гёте, если ни сном, ни духом в философии немецких книжников? Что ж,

поэтому я и решила пойти по пути немецкого синематографа: юбку покороче, шпоры подлинней!

Вот и вся разгадка. Я-то к мечте ползу, но это не значит, что я и правда начну учить основы немецкой зубодробительной литературы. Десятки студенток филфака в коротких юбках не могут ошибаться! Хорошие оценки здесь зависят от длины юбки.

Вот и прыгала я в мини-юбке, пытаюсь хоть как-то согреться, тщетно кутаясь в кожаную курточку, поверх белой рубашки с глубоким вырезом.

Не позволю я себя завалить! Да и препод из Матвея Александровича, как из меня филолог с красным дипломом. Сам-то он писатель, тот самый М. А. Тойфель, за каким-то чертом сосланный в университет на наши головы.

Ведь преподает параллельному потоку ту же литературу Василий Абрамович, мудрый старец, который и мухи не обидит, да и на студентов со своими немцами не наседает. Так ведь нет, обрушился на наши головы М.А.Тойфель.

Ох, помяни черта...

– А вот и Мефистофель! – радуется Юлька.

Вся аж подтягивается при виде его паркующегося автомобиля.

– Грудь вперед, задницу назад! – командует она мне. – Не то завалит, Ритк! И улыбочку, где твоя улыбочка?

Меня трясет от холода, но я выпрямляюсь и растягиваю рот в вежливом оскале. Матвей Александрович выходит

из машины, как всегда с ног до головы в черном и хмурый, как грозовая туча. На лице привычная темная трехдневная щетина, пиджак нараспашку, а под ним черная рубашка. Экзистенциальная тоска, как она есть.

Вот ведь позер и звезда большой литературы. Не так ярко светит солнце, чтобы еще и солнечные очки носить.

– По-моему, он не в духе, – говорю я, глядя на то, с какой силой Мефистофель захлопывает дверь машины.

– По-моему, это его обычное состояние, – парирует Юлька. – Но как же черт хорош собой. Читала про его похождения в «Звездной жизни»? Говорят, он даже спал со всем составом группы «Серебро».

– Это же желтая газетенка, Юль, – закатываю я глаза. – Там могли написать, что он перетрахал всех эльфийек, и никто не потребовал бы доказательств.

Но, если бы этот год я проучилась на журфаке, то уже отправила бы в редакцию запрос на практику. Потому что плевать, что там ни слова правды на тех страницах, стажировка в «Звездной жизни» это не просто тащиться к мечте, это как катапульта. Раз – и ты уже среди своих. Лучше быть «акулой желтого пера», чем «книжным червем в синем чулке» на страницах немецких херов.

– Доброго дня, Матвей Алекса-а-андрович! – поет соловьем Юлька, когда Мефистофель поравнялся с нами.

Мефистофель отделался кивком, но тут же запнулся при виде моих ног. И даже замедлил шаг.

– Левицкая? Я так понимаю, к передаче готовы?

– На экзамен как на праздник, Матвей Александрович, – цежу я, сквозь зубы.

Меня трясет: от холода и того скрытого солнечными очками взгляда, который шарит по моему телу. Я не вижу его, но каким-то седьмым чувством прекрасно чувствую.

Мефистофель снова кивает и исчезает в университете.

А меня колотит уже не по-детски.

– Ритк, ты это выпей горячего кофе перед тем как, – говорит подруга, оглядев меня с головы до ног. – Он же решит, что ты припадочная, если тебя так трясти будет.

– Кто это у нас тут мерзнет? – вешается на меня Марат, за секунду облапывая с головы до ног и уже не только взглядом.

– Эй, руки свои убрал!

– Да я согреть пытался! – примирительно улыбается одноклассник. – Хорошо выглядишь, Рита. Даже не узнал. Глядя на тебя, мне аж преподавать захотелось.

– Слышь, Марат, – говорит Юля, – а ты же кофе всегда с чем покрепче пьешь, так? Спаси Ритку, а то ей, и правда, согреться надо.

Марат улыбается и протягивает мне стаканчик. Нюхаю. Алкоголя там больше, чем кофе, судя по запаху, но что делать? Двенадцать месяцев меня спасать не собираются, придется спасаться коньяком. Выпиваю залпом, огненная вода проносится по пищеводу и буквально выжигает внутренности.

– Ох! Как ты это пьешь вообще?

– Я закусываю, – ухмыляется Марат. – А ты ела сегодня вообще?

Я не ела. Я проспала все на свете, потом перевернула полдома, пока искала эту короткую юбку, потом ломала голову, как прикрепить шпоры с внутренней стороны, короче, дел было невпроворот. Не до завтрака.

А потом, естественно, пробка до самого универа, а еще лекции во вторую смену...

Смотрю на часы. А вот и время пришло.

– Налить еще, Рит? – спрашивает Марат. – На тебе лица нет. Мне обычно помогает.

– Давай, – протягиваю пустой стаканчик из-под кофе.

Марат плеснул из фляжки немного янтарной жидкости.

– За немецкую литературу, – говорю и опрокидываю в себя содержимое.

Юлька похлопала меня по спине, пока я пыталась отдышаться.

– Давай я тебе мятную жвачку дам и вперед, Ритк, пора. Не дай ему завалить себя!

Я качнулась на каблуках. Фак, действительно пора. Шпоры при мне, юбка тоже.

Пора.

«Фак, фак, фак» – привычно отозвалось эхо.

Глава 2. Матвей

Ненавижу этот проклятый храм науки. Не-на-ви-жу.

Я сел в машину, завел мотор и прикрыл глаза, готовясь к очередному бессмысленному и беспощадному дню каторги.

Едва я выехал с парковки, раздался звонок. Я нажал кнопку на панели, переводя вызов на громкую связь.

– Привет, Тойфель, ну как ты там?

– Бывало и лучше, Андрей. И тебе недоброе утро, – откликнулся я со вселенской тоской в голосе.

– Нет, Матвей, мне тебя не жалко, – обрубил мой издатель.

С Андреем Бруштейном я почти дружил. Правда, это не помешало ему в один прекрасный день поставить мне ультиматум. Наглая еврейская морда. Прижал меня в самый неприятный момент.

– Как успехи с книгой? Когда ждать синопсис? – выдал он свои любимые вопросы.

Раз в неделю Андрей названивал, чтобы почти ненавязчиво поинтересоваться проклятыми успехами, которых не было. Раньше было хуже. Тербил каждый день, словно ревнивая подружка, которая опять увидела в желтой газете фотки своего знаменитого бойфренда в компании грудастых красоток.

– Я работаю над этим, – ответил я стандартно.

– Насколько эффективно?

– Нормально.

– Ты уверен?

– Андрей, завязывай. Сказал же, все будет. Ты сам засу-
нул меня в универ. Откуда время, если приходится нянчить
шалопаев-неудачников?

– Или неудачниц?

– Твои намеки омерзительны.

– Как и твоя личность и мысли.

– А ты их на расстоянии читаешь? – выпалил я, повышая
голос, раздражаясь из-за подначек раньше обычного.

– Мне даже читать не надо ничего. Ты банально предска-
зуем, Матвей. Но я очень надеюсь, что жадность не позволит
тебе продуть.

Вместо ответа я фыркнул и попросил не доставать
меня больше, наскоро попрощавшись с приятелем.

Выкрутил руки гад, еще и издевается. Правда, в требо-
ваниях Бруштейна был свой резон. Наверно, я бы тоже дей-
ствовал вот так с загулявшим писателем, который игнориру-
ет сроки выдачи текста. Надежда у меня оставалась только
на чудо и божественное провидение. Музы не помогали уже
давно. Да и не положено мне теперь по статусу муз трахать
вдохновения для.

Я сам заканчивал когда-то филфак и ненавидел его.
Всем сердцем. Думал, переведусь на журналистику или хотя
бы романо-германский, но так и проболтался среди девок в

бабьем царстве филологии. В этом были свои плюсы, конечно. Я никогда не чувствовал себя таким востребованным в школе. От девчонок не было отбоя. Правда, даже этот приятный бонус не оставил у меня в душе приятных впечатлений об учебе.

Неблагодарная я скотина, знаю. Преподы в меня, конечно, ввалили знания на двести процентов. Даже завкаф вступился перед ректором, когда меня собирались отчислить в момент ломки стереотипов и несданных хвостов. Мировой дядька. Ради него я тогда собрался и сдал все долги в рекордные сроки. У нас вообще были классные отношения. Ему первому я показал черновик своего первого романа. Бледнел и краснел, чувствуя себя институткой в трусиках перед прожжённым повесой, но ему понравилось. Он помог мне и с издательством.

Ну как помог? Вряд ли мой наставник понимал, что я буду настолько туп, что залезу в почти кабальные контрактные обязательства.

Нет, я не ною. Я благодарен. Первая книга имела оглушительный успех, и под кайфом славы я подписал договор еще на три в этой серии, едва ли вникая в нюансы. Не говоря уже о консультации с юристом.

Зато, дописав трилогию, я заработал имя, неплохой гонорар и, наконец, включил мозг. Следующие книги продал, как следует и теперь уже подписывал договор о сотрудничестве, диктуя собственные условия издательству.

Однако кроме загребания денег лопатой я все еще был обязан что-то писать. Как назло, вдохновение покинуло, а муза дала отставку. Я с трудом накарябал продолжение все той же серии, буквально высасывая из пальца каждую букву.

От полного краха спасли только герои, которых обожали мои преданные фанаты. Тираж раскупили, но ажиотаж заметно поутих, а я все еще был должен писать для издательства.

Что писать? А черт его знает. Синопсисы с продолжением серии Бруштейн отверг с пометкой: «Хватит гнать туфту». Мы встретились с ним в клубе, где я был больше заинтересован сиськами четвертого размера, а не написанием шедевра. На следующий день Андрей буквально потребовал, чтобы я прекратил валять дурака.

Солнце сегодня палило нещадно. Или мне казалось так в теплом салоне авто. Я нацепил очки и загреб пальцами волосы, ненавидя стандартную пробку на развязке не меньше, чем свою теперешнюю должность и проклятый дар убеждения Бруштейна.

Припарковавшись на стоянке универа, я вышел из машины и пошагал к входу. На крыльце стояли мои студенты. Боже, даже я не был таким бестолковым охламоном, как эти трое. Парня и девицу с приклеенной улыбкой я вообще смутно помнил, а вот ее подружку, которая тряслась, как от Паркинсона, кажется сегодня обещал принять после занятий. Она единственная, кто с треском провалил лектуру.

Бестолочь. Хотя ножки красивые, стройные, длинные. Или так кажется из-за короткой юбки?

Я притормозил и даже вспомнил ее фамилию.

– Левицкая? Я так понимаю, к пересдаче готовы?

– На экзамен как на праздник, Матвей Александрович, – едва выдавила она из себя.

Бойтся? Правильно бойтся. Особенно, если опять ни черта не учила. Правда, ну зачем ей филология? С такой-то грудью. Как будто высшее образование – залог благополучия. Вот сиськи, личико и умение помалкивать – это дорогого стоит. Но тут этому не учат.

Я поспешил мотнуть головой в знак небрежного прощания и зайти внутрь.

Сегодня три пары лекций и один семинар. Боже, дай мне сил.

После занятий я хотел пойти домой, принять горячий душ, лечь в постель и не говорить, просто спать. Не успел раз мечтаться, как лаборантка напомнила, что дежурю до семи. Проклятье, как будто кто-то сейчас рванет изучать редкие книги из кафедральной библиотеки!

Сразу после этого я вспомнил, почему еще задержусь. Левицкая. Высокая грудь, бесконечные ноги и полное отсутствие мозга. Мой любимый одноразовый вариант времен беспросветной клубной ночной жизни.

Я прикрыл глаза, убеждая себя, что обещанное просветление где-то рядом. Очень скоро меня осенит шедевром,

как и обещал Бруштейн. Воздержание, собранность и классическая зарубежная литература времен романтизма – это ли не идеальные условия для перезагрузки вдохновения?

Не, кажется, кто-то наврал. Никакого вдохновения. Сплошное раздражение. Оно достигло пика к семи часам. Почему я назначил эту чертову лектуру на семь? Можно было уже закончить, совместив с чертовым дежурством. Гуманитарий – это диагноз.

Левицкая пришла даже чуть раньше. Я тут же вспомнил, что еще мне в ней нравилось. Имя. Маргарита. Я позволил себе микроулыбку, дернув уголком губ.

Ноги, грудь, бессмысленность и обречённость в глазах. Все тот же комплект, все на месте.

Я сел за стол, позволяя себе чуть потянуть время. Студенты меня ненавидели. Я знал, что боятся, что сплетничают, что зовут Мефистофелем за глаза. Что ж... Нужно оправдать такую лестную репутацию.

– Маргарита Левицкая, что мне с вами делать? – кажется, я слышал, как она стучит зубами. Страшно или холодно? – Ладно, вариантов, конечно, не будет, как для основного потока. Садитесь и пишите максимально подробно все, что знаете о художественной религии в раннем немецком романтизме. У вас есть час.

– В р-раннем? – переспросила она, заикаясь.

– В раннем, в раннем. А что? Вы хотели поздний?

Уверен, она хотела нечто иное. Например, пить сейчас

"Пина коладу" на Кубе. Я бы тоже не отказался, но жизнь жестока, а судьба свела нас вместе. Кривая улыбка разрезала мое лицо. Возможно, именно сейчас я был похож на демона.

– Нет, конечно, нет, – натянуто рассмеялась студентка, чуть дернув вниз короткую юбку.

Я сглотнул.

Проклятое воздержание. Проклятый спор! Довел меня до того, что, заметив кромку чулка на девичьем бедре, я вообще заерзал.

А Левицкая тем временем отправилась на заднюю парту. Она шутит?

– Сядьте напротив, – скомандовал я безапелляционно.

Она еле слышно простонала, но заняла указанное место, достала лист бумаги и вывела ручкой тему, которую я задал.

Наблюдать, как она пишет, не было ни малейшего желания. Я полез в инстаграм, развлекаясь фотками бывших подружек, которые продолжали атаковать мой директ, провоцируя на встречу.

Одна, вторая, третья...

Меня отвлек тихий шорох.

Не откладывая мобильный, перевел взгляд и тут же угадал, что творится под столом.

Я нормально относился к своей скотско-демонической репутации. Студенты меня боялись – это полезно. Но вот, когда держат за идиота – неприятно.

Едва сдерживая злость, встал из-за стола. Левицкая вздрогнула и сделала вид, что строчит изо всех сил.

Ну, да. Как же.

Так я и повелся.

Присев с ней рядом, я пробежал глазами по написанному, буквально чувствуя запах страха. Или это что-то другое?

Взгляд скользнул ниже, и я положил руку ей на бедро, повел вверх, задирая подол юбки.

Проклятье! Это была плохая идея, но, даже чувствуя, как тесно стало в брюках, я уже не мог остановиться.

– Что это такое, Левицкая? – спросил я хрипло, не узнавая собственный голос.

Отодвинув юбку, я увидел чулки, а к ним, разумеется, крепились шпоры, с которых она безбожно пыталась скатать ответ.

Разумеется, мои действия уже были за гранью дозволенного, но, коснувшись ее, я не мог убрать руку.

Подцепив пальцем кружевную резинку чулка, провел, чуть оттягивая ее, одновременно лаская бархатную кожу на внутренней стороне бедра.

– А я думал, наряд в мою честь. Оказывается, он просто функциональный. Да, Маргарита?

Я сжал ее бедро.

Девчонка пискнула, но даже не пыталась что-то сказать или отодвинуться. Она словно окаменела, позволяя трогать себя и читать ей лекцию.

– Вы не меня обманываете, дорогая, а себя в первую очередь.

Моя ладонь двинулась выше, и пальцы наткнулись на гладкий шелк трусиков.

Влажных – вашу мать! – трусиков.

– Почему я должен ждать вас, ублажать вашу жажду знаний в свое личное время, м?

Маргарита продолжала молчать, лишь судорожное дыхание и дрожь сигнализировали, что она все же живая.

– Неужели выучить материал так сложно?

Я погладил влажную ткань.

– Так сложно?– повторил я вопрос.

– Кто ищет – вынужден блуждать, Матвей Александрович, – ответила она, и вместе с цитатой с ее губ слетел стон.

Это был приговор для меня. Или для нее.

Я отодвинул трусики в сторону.

Глава 3. Маргарита

Что же я знаю о художественной религии в раннем немецком романтизме, Матвей Александрович? Дайте подумать.

Ни черта я не знаю, вот мой ответ! Даже не уверена, что под моей короткой юбкой есть этот ваш чертов ранний романтизм. Вот же демон, ну ведь выбрал же! Почему именно ранний?

Как там Юлька говорила, листая конспекты перед тем, как мы уменьшили их на ксероксе? «— Так, вот это ранний романтизм, он его точно не даст, давай лучше поздний как следует проверим!»

Стрельнула в Мефистофеля глазами, а он в телефон втыкает. Вот кому хорошо. Так хорошо, что Матвей Александрович даже улыбнулся.

А смотрите-ка, у него ведь совсем другое лицо, когда он улыбается. Даже ямочки есть.

Черт, это я сейчас серьезно? Ранний романтизм подействовал?

Думай, Марго, думай. Ладно, посмотрим, что там с поздним. Вроде не смотрит? Точно, втыкает в телефон, даже щеку рукой подпер. Скроллит, видимо, ленту, ищет кого бы еще оттрахать из «Серебра» или кого посвежее.

Короче, Матвей Александрович занят, и это самое

подходящее время, чтобы задрать юбку. Хотя стоило подумывать об этом раньше: если мы будем в кабинете вдвоем, то, конечно, он не позволит мне садиться на задние ряды.

Вот только задирать юбку сейчас... Фактически наедине с ним... Это то еще испытание.

Один кривой взгляд, и все мои шпоры будут как на виду. И не только шпоры.

А! Как же они шуршат в тишине кабинета, эти шпоры, мамочки! Ну их, эти нервы, проще выучить. Вот только поздно строить из себя святую невинность.

Давай, Маргарита, на журфак с хвостами не принимают, а Мефистофель вряд ли даст еще один шанс.

Нет, ну как улыбается! Кто там у него? Не видео же с котятками смотрит? И где он вообще прятал эту улыбку раньше? Так и не скажешь, что он пылью уже на кафедре покрылся. Даже понятно, что эти с «Серебра» в нем нашли. И это не только ум.

В нем чувствуется харизма. И опасность. Улыбка вот изменилась, стала порочней, мимолетней. Точно не котят, зуб даю, что подружек листает.

Так, Маргарита. Глаза на лист. Мозги в кучку.

Операция «Снимаем юбку» и ищем ранний немецкий романтизм. Что это? «Фауст»? Уже теплее, цитата какая-то...

– Что это такое, Левицкая?

Я не заметила, как он встал из-за стола и сел рядом.

Вот же увлекательное чтение в чулках! Давно он тут сидит интересно? Видел, похоже, более чем достаточно. Я вся оказалась. Забыла, как дышать. Еще и юбка эта, короче некуда, вон даже кусочек шпоры выглядывает!

И тут его рука легла мне на бедро, обжигая своим прикосновением.

Тело отреагировало как-то уж очень неправильно. Вместо того чтобы стиснуть бедра, я чуть развела их в стороны. Зачем, Марго? Чтобы ему лучше было видно шпоры?!

А впрочем... Поздно.

Его пальцы скользнули выше, подцепив юбку... И шпоры больше не были секретом только для моих трусиков.

Его рука при этом осталась лежать на моем бедре. Хотела бы я сказать «колене», но нет. Это было очень близко к моему святому Граалю, а Матвей Александрович почему-то не источал гнев, ярость, скорее что-то иное.

На губах снова заиграла та улыбка, которая неуловимо его меняла, когда подцепив пальцем кружевную резинку, он провел по коже внутренней стороны бедра.

– А я думал, наряд в мою честь. Оказывается, он просто функциональный. Да, Маргарита?

Скажи «Нет!», скажи «Нет!»

О боже да-а-а!... Как он поглаживает кожу большим пальцем. Это как он умудряется вызывать такое цунами ощущений одним только пальцем?

– Вы не меня обманываете, дорогая, а себя в первую оче-

редь.

С кем он разговаривает? Со мной?

Мы все еще сдаем лектуру, Матвей Александрович? Переходите на язык Гете, все равно я половину слов не понимаю. Дышать и то удастся с трудом. Ох, мамочки... Он только что провел пальцем по моим трусикам.

И повторил то самое движение большим пальцем.

– Неужели выучить материал так сложно?

Он погладил влажную ткань, которая причиняла адский дискомфорт. Никогда в жизни не думала, что желание избавиться от трусиков в здании университета на пересдаче по зарубежной литературе может быть настолько сильным.

– Так сложно?– повторил он вопрос.

– Кто ищет – вынужден блуждать, Матвей Александрович.

Вот кто не забыл, что мы все-таки здесь делом заняты. Мозги. Горжусь.

Мой мозг выдал Мефистофелю «Фауста» легко и непринужденно. Еще бы. Тойфель уже полгода ассоциируется у меня исключительно с этой книгой. Только не вовремя! Ой, как не вовремя я решила блеснуть интеллектом.

Матвей Александрович аж в лице изменился. Посмотрел на меня потемневшим взглядом, как Фауст, наверное, смотрел на Маргариту. Или Вронский пожирал глазами Каренину, пока она крутилась перед ним на балу.

А потом отодвинул трусики в сторону и медленно провел большим пальцем сверху вниз. При этом с его губ

сорвался хриплый стон.

Этот хриплый мужской стон пробудил во мне что-то глубинное, первозданное. Что-то, что заставило шевельнуть бедрами навстречу его руке и шире развести ноги. Он все еще гипнотизировал мои губы взглядом, пока палец двигался медленно и нежно.

Мне больше не было холодно. Я горела изнутри, и снова подалась к нему навстречу, а после почувствовала, как он положил руку мне на плечи, притягивая к себе.

Коснувшись моих губ нерешительно, словно это не его рука всю хозяйничала у меня между ног. Затылком я коснулась его плеча и тогда же почувствовала, как его язык скользнул по моей нижней губе, очертил верхнюю.

И тогда же его палец скользнул в меня.

Меня выгнуло дугой от противоречивого коктейля из чувств: легкой боли, неожиданности и удовольствия. Матвей Александрович наклонился и наконец-то поцеловал меня.

Нежность куда-то пропала. Я отдалась его власти, и он с радостью перенял бразды правления. Его палец входил в меня медленно, аккуратно, тогда как язык просто трахал мой рот, проникая глубоко и страстно, переплетаясь с моим.

Бедра задрожали, истома родилась внутри, захлестывая меня с головой. Я всхлипнула, инстинктивно сжимая бедра. Громко вскрикнула, и Матвей Александрович тут же закрыл мне рот поцелуем, не давая произнести ни звука, только переключив все свое внимание на клитор, которое тот требо-

вал прямо сейчас и прямо здесь.

Я задрожала, перестала дышать и кончила. В руках преподавателя. На пересдаче. В кабинете кафедры зарубежной литературы.

Матвей Александрович тоже словно одумался, мигом убрал руки, подхватил меня за талию и посадил перед собой на стол.

Или все-таки нет?

Он развел мои ноги и встал между них, коснувшись пряжки ремня.

О боже.

Я уперлась обеими руками ему в грудь, все еще слишком тяжело дыша, чтобы выдавить из себя хоть слово.

Мой профессор нахмурился. Стояк угадывался безошибочно. Его нетерпение тоже было очевидным.

Я качнула головой, отталкивая его от себя. Сползла со стола и встала на ноги, удалось, кстати, не сразу. Колени подрагивали.

– Тебе нужен зачет? – процедил он, пожирая меня темными глазами. – Сейчас-то не строй из себя невинную девицу...

– Мне и не придется. Я еще ни разу... ни с кем... Ну вы поняли, – все, что я могла из себя выдавить.

А поскольку земля так и не разверзлась подо мной, ничего не оставалось, как подхватить рюкзак и выбежать вон.

Глава 4. Матвей

Вот же вляпался!

Едва Маргарита умчалась, я рухнул на стул и уронил голову на парту. Это же надо было додуматься, целовать студентку, а потом потребовать секса вроде как в обмен за зачет по лектуре. То ли сценарий для порно, то ли набросок для заявки в полицию.

Хорошо, хоть у Левицкой включились мозги. Или ноги? Хоть что-то. Она спасла нас обоих.

Еще и девственница! Полный комплект для просветления, ага.

Я дышал в парту, заставляя себя успокоиться. Кровь постепенно отливала от южных широт, возвращаясь в голову.

Я пытался анализировать ситуацию, чтобы понять природу своего наваждения. Первая причина, конечно, воздержание. Или все-таки моя любимая цитата из «Фауста»? Вспоминая, как она произнесла это, я снова возбудился. Дожил, блин. Это что, профдеформация уже наступила? Ужас какой-то, ей-богу! У меня стоит на Гёте!

Подняв голову, провел по лицу рукой, словно надеялся смыть с себя безумие волшебным образом. Не очень помогло. Я почувствовал ее запах на своих пальцах и снова завелся. Нужно было бежать в туалет, вымыть руки, но вместо

этого я прижал пальцы ко рту, едва сдерживаясь, чтобы не облизать.

Застонал вслух, по-быстрому закрыл кабинет и рванул к машине. По дороге я высматривал ее, одновременно стараясь успокоиться. Нужно просто извиниться. Если до завтра она не наломает дров со страха, то все еще можно исправить. Мы поговорим, я извинюсь. Она ведь была не против. Ни слова не сказала, пока я не начал звенеть пряжкой, напугав малявку до паники.

Это же надо, как накрыло. Где были мозги?

Приехав домой, проверил свое расписание. Да, завтра у них две лекции подряд. Последние. У меня – тоже. Будет несложно пообщаться тет-а-тет.

Не потрудившись проверить материал лекции, я, наконец, исполнил свои мечты о душе, постели и тишине. Удивительно, но почти сразу уснул. Правда, покоя отдых мне не принес. Я видел себя словно со стороны с перекошенным лицом и безумными глазами.

Я нависал над Маргаритой, а она тряслась и пыталась выползти из-под меня. «Невинная, – шепнул мне кто-то голосом Андрея. – У тебя нет над ней власти. Оставь ее. Работай! Ты должен мне синопсис, Тойфель».

Мое имя отдалось эхом.

Мефистофель, Мефистофель, Мефистофель.

Я дернул ремень и прижал Маргариту. К столу? К полу? Она перестала трепыхаться, раскинула руки, отдавая

себя то ли в дар, то ли в жертву.

А мне было плевать. Я просто хотел ее. Взять себе, сделать своей, совратить, опорочить, научить, дать попробовать удовольствие на вкус.

– Так вот он в чем, твой труд почтенный!

Не сладив в целом со вселенной,

Ты ей вредишь по мелочам?

Поговорила она мне в губы и потянулась к брюкам, обхватила член ладошкой.

– Гретхен... – выдохнул я, прикрыл глаза, позволяя ей доставить мне удовольствие, но адский звук выдрал из блаженного забытья.

Будильник, черт подери!

Я очнулся с собственным членом в руке и на грани оргазма. Несколько движений рукой, и я опять упал на подушки, тяжело дыша. Словно стометровку пробежал.

Потрясающее начало дня.

Продолжение тоже было так себе. Я снова читал лекции, ненавидел своих студентов, валил на семинаре, смотрел волком, когда кто-то опаздывал на пару или подходил задать вопрос после.

Да, я мерзкий тип, но у таких обычно учат, а не халяву ловят.

Маргариту я увидел сразу. Она прошмыгнула в ауди-

торию одной из последних, когда я уже раскладывал план лекции, готовясь начать. Едва ли буркнув что-то вроде приветствия, она забилась на последней парте в углу. Я ее и не видел почти. Сразу стало очень жаль.

Почему? Черт знает.

Не замечал ее раньше и не следовало придавать значения вчерашнему инциденту, но что-то шевельнулось, задержалось и подкатило к горлу горечью. Совесть, что ли?

Я начал лекцию, как обычно, но в этот раз не мог просто стоять за кафедрой. Отложив листы с планом, я вышел и двинулся вперед между рядами парт.

– Настоящая духовная столица Германии – Веймар, собравший в своих стенах классиков немецкой литературы Гете, Шиллера, Гердера, Виланда, многих других, менее знаменитых авторов... – говорил я по памяти, одновременно поглядывая на студентов, которые усердно конспектировали.

Все, кроме Левицкой. Что за человек? Она сидела и рисовала в тетради. Просто выводила узоры, подперев кулаком щеку. Словно и не слышала мой приближающийся голос или же напрочь его игнорировала.

Я бесцеремонно заглянул за ее плечо. Супер. Ни слова – одни рисуночки. Даже какой-то паук-клякса с подписью – Мефистохер.

Подняла на меня глаза. Огромные, перепуганные, полные ужаса, словно я и был тем самым пауком двух метров роста. Переводя дыхание между предложениями, я вздернул

брови, без слов интересуясь: «Будем записывать или опять дурака валять?»

Она поспешила перевернуть страницу и с чистого листа начала конспектировать лекцию.

Так себе победа, но на первый раз сойдет.

Я встал позади нее и до конца пары вещал с галерки, буквально нависая над Маргаритой грозовой тучей.

Она больше не смотрела на меня. Даже не двигалась, только писала и писала, как заведенная. Едва звонок оповестил об окончании занятия, она вскочила, но я закрыл дорогу к бегству. В суете сборов никто и не придал значения, что я попросил ее:

– Нам нужно обсудить вашу вчерашнюю лектуру. Можем встретиться у третьего корпуса через двадцать минут?

Я там оставил машину сегодня. Возможно, это было ошибкой, но обсуждать вчерашнее в стенах универа я совсем не хотел. Это наше личное недоразумение. Нужно уладить его на нейтральной территории. Ну или в моей машине, если она согласится в нее сесть.

Она обречённо вздохнула.

– Хорошо, Матвей Александрович. Я подойду.

– Одна, – добавил я, видя, как на нас глазеет ее подружка и долговязый пацан.

– Ладно.

Она накинула на плечо лямку рюкзака и вышла из аудитории вместе с друзьями. Я поспешил собрать свои ве-

щи. Нужно было еще заскочить на кафедру.

Ровно через двадцать минут я стоял у машины и смотрел, как Левицкая приближается. Она была сегодня в обычных джинсах, ветровке, конверсах, почти без макияжа. Обычная девчонка без этого маскарада. Милая. Весьма... Не замечал раньше. Собственно, я и не разглядывал студенток, чтобы не было соблазна.

– Что вам надо, Матвей Александрович? – спросила она почти дерзко, но тут же словно испугалась саму себя, опустила глаза вниз.

– Домой тебя хочу отвезти.

– Не надо.

О, ну, конечно, как неожиданно.

– Садись в машину, Маргарита. У меня нет ни времени, ни желания с тобой спорить.

Она сжала губы, качнулась на пятках. Я уже думал, уйдет, но она вдруг усмехнулась.

– И дверь даме не откроете? Где ваши манеры?

Я обреченно вздохнул и дёрнул ручку.

– Соблаговолите?

Довольная Маргарита уселась в объятия кожаного сидения. Я захлопнул дверцу, обошел авто, сел за руль. Сложив руки на колени, Левицкая притихла, видимо, побаиваясь. Все-таки режим самосохранения у нее активируется время от времени.

Я завел машину и выехал с парковки.

– Я просмотрел то, что ты написала вчера. Всю ту чушь вперемешку с тем, что удалось скатать со шпор.

– Мы перешли на «ты»? – спросила она, вздернув одну бровь.

– Очевидно, – буркнул я себе под нос.

– Окей, значит, я могу называть тебя...

– Нет, – рявкнул я. – Не можешь!

Она вжалась в кресло, и я выругался себе под нос, проклиная несдержанность.

– Ладно, Маргарита, твоя взяла. Давай, не будем утрировать и усугублять случившееся вчера, хорошо?

– Так это я усугубляю? Это вы взялись мне тыкать с какой-то стати.

– Извини. Скажи адрес. Куда сейчас свернуть?

– Налево, – буркнула она. – Третья улица Свободы.

– А, знаю. Район ботанического сада?

– Да.

Я перестроился, свернул на светофоре, вдохнул поглубже и выдал речь, снова возвращаясь к уважительному тону и форме.

– Я должен извиниться перед вами за вчерашнее, Маргарита. Это было непозволительно. Думаю, мы оба погорячились. Не перекладываю на вас ответственность, ни в коем разе. Это, конечно, моя вина. Я был зол, несдержан. Все время, что преподаю, студенты словно испытывают меня на прочность. Неужели так сложно выучить материал? Я плохо объ-

ясняю?

– Нет, – пискнула она. – Кажется.

– Быстро говорю? Вы не успеваете записывать? Ах да, вы же вообще не конспектируете!

– Простите, я...

– Пообещайте, что выучите мои лекции и прочтите уже хоть что-то по курсу. Летом будет экзамен, плюс вам нужно уже выбрать тему курсовой. Соберитесь, Маргарита! Еще есть возможность взяться за ум и втянуться в учебу.

– Моя учеба для вас так важна?

– Разумеется, – истово соврал я, пытаюсь убедить в этом скорее самого себя. – Маргарита, ваша вчерашняя писанина – это нечто несуразное, уж простите. Я просмотрел, но, так и быть, зачту. Скажем, авансом. Идет?

Поджала губы.

– Взамен на мое молчание, что ли?

– Да. Все останется между нами. Мне не нужны проблемы. Да и вам тоже вряд ли пойдет такое на пользу. Давайте просто забудем это маленькое недоразумение.

Она аж подпрыгнула.

– Правда? Просто возьмем и забудем?

– Да. Разве это сложно? Какой дом?

– Остановите здесь, – отрезала Маргарита.

Соседей, что ли, стесняется? А может, все проще и ей осточертела моя компания и она хочет свалить поскорее.

Я съехал на обочину, другого места не было. Было уже

темно, а фонари светили только вдали. Она по этой темени собирается куда-то идти?

– Ладно, Матвей Александрович. Я никому не скажу.

Она как-то хитро, почти коварно улыбнулась. Мне это не понравилось и понравилось одновременно. Ее близость, улыбка, голос. Всего вдруг стало слишком много для меня одного.

Возбуждение словно сконцентрировалось и материализовалось, оттягивая брюки своеобразной реакцией.

Студентка. Она моя студентка. Я должен давать ей знания, а не уроки сексуальности на практике.

– Но знаете, Матвей Александрович, кое-что мне не дает покоя...

Она закусила губу, не найдя мужество договорить. Я решил подбодрить.

– Что, Маргарита? Скажите.

– Вот это.

Она вдруг прильнула ко мне и абсолютно неожиданно коснулась моих губ своими.

Глава 5. Маргарита

Забыть.

Надо просто забыть о том, что было. Разве это так сложно? Подумаешь, чуть не разложил на столе преподаватель! Подумаешь, вместо зачета рассказала преподу, что все еще девственница, хотя совсем даже не это было темой моего зачета!

Нужно. Просто. Забыть.

– Ну что, сдала, Ритк? – подкатила Юлька на следующий день перед парой. – Не завалил тебя, Мефисто?

Волком чуть не взвыла.

– Нормально все, Юльк, – процедила сквозь зубы.

– Что с тобой? – не поняла подруга. – Шпоры хоть помогли?

О, не то слово, как помогли!

Отделалась кивком и по стеночке, незаметной тенью прокралась на задние ряды, куда так и не села вчера. Юлька устроилась впереди. За каким-то чертом ей и моим одногруппникам нравилось смотреть на Мефистофеля в первых рядах.

Мне – нет. Я вообще на него в жизни смотреть больше не буду! Вчера насмотрелась. Мои одногруппники, наверное, вообще были уверены, что Мефистофель не умеет улыбаться. А он умел...

Так, чтобы не пришлось потом скатывать, нужно начать учить уже сейчас!... Но ручка как-то сама собой стала выводить узоры, цветы, сердечки. Детский сад и ранний романтизм! Я перевернула страницу и снова попыталась сосредоточиться на его голосе, не поднимая при этом головы.

Но от его низкого голоса с легкой хрипотцой по спине бежали мурашки. «Разве это так сложно, Маргарита?» – спросил он вчера, нависая надо мной. Черт, да! Забыть оказалось сложнее, чем мне казалось!

А еще и рука сама вывела романтическое «Мефисто...», когда я очнулась. Хер ему, а не сердечко!

Мефистохер в моей тетради стал злобным пауком с нереальным количеством лапок, потому что именно такое вчера у меня и было ощущение, что рук у него куда больше двух, когда он обнимал меня. Везде ведь успел пощупать, а его пальцы? Ох, эти пальцы...

И тут эти пальцы легли на мою тетрадь.

Фак, фак, фак!

Он что, надумал за мной стоять всю лекцию? Проклятье! Не-на-ви-жу-у-у-у!

Не знаю, как пережила эти полтора часа. Не знаю, зачем согласилась встретиться с ним. Я ведь собиралась все забыть! Да я уже практически ничего не помнила! А в итоге оказалась в его машине, и у меня аж дыхание сбилось, когда попыталась произнести его имя: «Значит, я могу называть тебя... Матвей»

– Нет, не можете! – рявкнул Мефистофель.

И не надо! Вот переведусь на журфак и поминай, как звали! Встретимся потом лет через десять, когда я буду красивой успешной женщиной, а он останется все тем же посредственным преподавателем с масляными глазками.

И спросит он меня с надеждой в голосе: «А помните, Маргарита, как у нас с вами было?». А не помню, скажу ему, ничего не помню! А что было-то, Матвей Александрович? Развернусь и уйду в свое блестящее журналистское будущее.

Ой, чуть поворот не пропустили.

– Да, – вещал Матвей Александрович, глядя на дорогу. – Все останется между нами. Мне не нужны проблемы. Да и тебе тоже вряд ли пойдет такое на пользу. Давайте просто забудем это маленькое недоразумение.

Что? Нет, секундочку. Это я должна его забыть, а не он меня!

– Просто возьмем и забудем? – переспросила я.

– Да. Разве это сложно? – пожал он плечами, даже не глядя на меня.

Ну еще бы! Ему-то просто! У него есть весь шоу-биз, чтобы меня забыть. Значит, охмурил, а сам в кусты?

– Ладно, Матвей Александрович. Я никому не скажу, – процедила я с коварной улыбкой на губах.

Он с какой-то опаской на меня покосился, словно ожидая подвоха. И правильно, Мефистофель, демоническое чутье тебя не подводит.

– Но знаете, Матвей Александрович, кое-что мне не дает покоя...

Подался весь ко мне, превратившись в слух.

– Что, Маргарита? Скажите.

– Вот это.

Это был самый страстный поцелуй, на какой я только была способна. Нет уж, Матвей Александрович, меня вы запомните. А вот я вас – нет! И я обязательно найду кого-нибудь, кто будет также здорово целоваться. Потом. Когда-нибудь.

От чьих поцелуев тоже будет замирать сердце, а дыхание перехватывать. Ну не может же быть, чтобы только вы в целом мире так хорошо целовались? Почему мне кажется, что я сейчас умру от восторга? А вы это чувствуете, Матвей Александрович? Есть место раннему романтизму среди вашей серой экзистенциальной тоски?

Он вжал меня в кресло, перехватив инициативу на себя, словно отвечая на этот вопрос. Его руки не знали покоя, а язык творил что-то невероятное с моим ртом.

Его пальцы пробрались под толстовку, задирая ее до груди. Он обвел чашу бюстгальтера, и меня выгнуло ему навстречу, как по волшебству. Этот гад самодовольно хмыкнул, и это подействовало на меня, как ушат с ледяной водой.

Обеими руками я тут же уперлась ему в грудь, отталкивая от себя и тяжело дыша, скрестила наши с ним взгляды. Медленно облизала губы.

И сказала:

– Да, действительно, ничего особенного, что стоило бы запомнить. До свидания, Матвей Александрович!

Глава 6. Матвей

Проснулся со стояком. Привет, дружок, выдыхай. Ты здесь лишний.

В последнее время навязчивое напоминание о целибате стало раздражать сильнее обычного. Было же время, когда утром, прежде чем выпроводить случайную подружку, я славненько успокаивал собственный член с ее помощью. Лучше минетом. Чтобы потом не было повода в душ пускать.

Старые добрые времена.

Теперь вместо секса у меня была пробежка. Вместе ночи в клубе – лекции для оболтусов.

За окном было хмуро. Прямо как у меня на душе, но я накинул на голову капюшон толстовки и выбежал на улицу. Морозящий дождь не раздражал, скорее успокаивал, ноги отбивали привычный ритм. Это было привычно и умиротворяюще.

Стал вспоминать расписание занятий, планы семинаров. Группа Маргариты сегодня должна была подготовиться к практике по Фаусту. В любой другой день я бы немного воспрял духом. Всегда любил семинары по Гете. Не зря же выбрал его для диссертации, знал наизусть чуть ли не всю поэму и обожал цитировать при случае. Дамам, конечно. Конечно, тем, кто в лучшем случае узнавал в отрывках Евгения Онегина. Мне нравились эти легкие потаскушные одноразо-

вые встречи. Меня вдохновляли музы на одну ночь.

Когда это закончилось и превратилось в пагубную привычку? Когда я пресытился и исписался? И зачем, черт подери, я повелся на пари с Бруштейном? Какой в нем смысл? Ведь был же какой-то. Теперь я не трахаю все, что хочется, но и вдохновения как не было, так и нет.

«Кто ищет, вынужден блуждать, Матвей Александрович», – прозвучал в моей голове голос Марго.

Я прибавил скорость и, конечно, сразу сбилось дыхание, закололо в боку. Уже через минуту пришлось перейти на шаг и двинуться к дому.

Черт, даже пробежку нормально не закончил из-за нее!

Я злился на Марго каждый день. Когда она приходила на занятия в джинсах и улыбалась мне ехидненько, приветствуя. Когда она приходила в юбке и едва кивала, отправляясь на свое место в конце аудитории.

Когда смеялась, флиртуя с однокашниками и когда сидела тихо, не участвуя в общих разговорах. Когда пила кофе в кафе на первом этаже и когда приносила в аудиторию бутылку минералки. Когда писала лекцию старательно и когда опять валяла дурака, практически не скрывая этого.

Я запретил себе звать ее в мыслях Гретхен или Маргаритой. Это было слишком ассоциативно даже для такого Мефистофеля, как я.

Вместо этого я стал звать ее Марго. Не Рита, как обращался к ней этот смазливый пацан. Марат... Как его там?

Азаров? Все равно. Плевать. Только смотрел он на Марго, словно сожрать хотел. Возможно, я делал бы так же, но я на нее не смотрел. Почти. Старался не попасться. Вроде бы получалось.

Скинув дома промокшие шмотки, я встал под душ, потом оделся, взял кофе по дороге и нацепил очки на глаза, хотя солнца и не было. Обычный день. Ничем не хуже.

Ан нет, все-таки хуже!

Заглянув на кафедру перед занятиями, я просмотрел списки студентов по курсовым. Она записалась ко мне. Что за человек? Издевается? Зачем? Могла взять русскую литературу, языкознание – были свободные темы. Нет же...

Левицкая пожелала изучить художественную религию и социальные мотивы в раннем немецком романтизме. Ее рукой было приписано «на примере «Фауста» Гете».

Настроение и так не слишком хорошее, учитывая перспективы на ближайший час, упало ниже плинтуса.

Я ворвался в аудиторию в духе Мефисто. Сверкнул глазами на студентов, которые тут же начали рассаживаться, хотя до начала занятия было еще пару минут.

– Сегодня «Фауст», да? – обратилась ко мне подруга Маргариты. Кажется, Юлия.

– Вы у меня спрашиваете? – огрызнулся я, приподнимая бровь. – Тема семинара была озвучена неделю назад. Не готовились?

– Эээ, – протянула она, вспыхнув от моего напора. – Го-

товилась, конечно, Матвей Александрович. Это я так... Говорят, вы защищали диссертацию по Гете.

Юля, накрутила на палец прядь волос и захлопала огромными ресницами с тремя слоями туши.

О, так мы флиртуем? Мило. И не боится. Дурочка. Марго хоть трясется, чувствуя опасность, а эта... Эх, бестолочь.

– Было дело, – буркнул я, раскладывая на столе план семинара и пробегая глазами чисто формально, чтобы создать видимость занятости.

Я знал план наизусть, как и добрую половину лекций, но надо как-то показать девице, что ее болтовня меня не трогает.

– Мне тоже нравится Гете, Матвей Александрович. Это такой классный романтизм. Безумно увлекательно. Я еле заставила себя уйти из библиотеки, так увлеклась вашей работой.

– Похвально, похвально, – бормотал я, тасуя листы.

– Вы акцентируете внимание на финальной сцене. Это очень интересно...

Я взглянул на часы.

– Давайте вернемся к этому в ходе занятия, Юля.

Время и, правда, уже поджимало, и звонок подтвердил мои слова.

Девица кивнула и пошла на свое место, не забывая покачивать попкой при этом. Я едва не фыркнул вслух.

А Марго все еще не было. Я окинул взглядом студентов. Ее место пустовало. Заболела? Или заколола? Возможно, так лучше. И курсовую пусть отменит. Тогда вообще можно будет спокойно жить.

– Итак, сегодня мы говорим о «Фаусте» Гете. Все прочли?

Я повернулся к доске, чтобы записать основные темы обсуждения.

– На языке оригинала, – выкрикнул кто-то.

Я обернулся, но не благодаря реплике умника, а потому что в аудиторию ввалились двое опоздавших.

– Ой, простите. Можно? – выдавил из себя Марат, который был так весел и счастлив, что не мог нормально говорить.

А еще он не мог отпустить руку Марго.

Маргариты, черт подери, Левицкой, которая улыбалась светло и лучисто, как умеет только беззаботная невинная девчонка.

Я прищурился, сканируя парочку на пороге аудитории пронзительным взглядом.

– Вы опоздали, Левицкая, – обратился я к ней, потому что опять никак не мог вспомнить фамилию пацана.

– Да, простите, Матвей Александрович. Можно войти? Из библиотеки бежали.

– Быстрее, – рявкнул я. – Мы вас ждать не обязаны.

Слава богу, они не стали продолжать беседу, просто заняли места. Я не без злости отметил, что Азаров (вовремя,

блин вспомнил!) сел с Марго на заднюю парту, хотя обычно она там одна ворон считала.

Но теперь они раскрыли одну книгу на двоих и листали, продолжая хихикать шепотом.

– Раз уж вы явились, то давайте и начнем с опоздавших, – мстительно решил я. – Азаров, расскажите нам о Фаусте. Предпосылки создания образа, ранние упоминания в других источниках.

– Эээ, ну... – протянул Марат, продолжая лихорадочно листать одновременно и книгу и конспект.

– Это было в плане семинара. Давайте!

– Фауст упоминался и раньше. Образ доктора, искателя истины берет начало из историй об алхимиках и колдунах эпохи Возрождения.

– Подробнее, – потребовал я. – Какие такие истории? Бабынские сказки?

Студенты хохотнули.

– Оставьте в покое учебник, Азаров. Отвечайте, что помните. У вас было достаточно времени на подготовку.

Он что-то мямлил и все же вспомнил несколько. Кажется, ему подсказали. Возможно даже Маргарита, которая сидела, прикрыв рот ладонью. Наверно, нашептывала. Хотя в ее осведомлённости по этому вопросу я тоже сомневался.

– Понятно все с вами, – Я отметил в журнале плюс и минус одновременно напротив фамилии Марата. Нужно будет еще спросить. – Левицкая, ваша очередь. Социально-поли-

тические предпосылки рождения романтизма и его влияние на творчество Гете.

Она прочистила горло и начала чуть сипло:

– Немецкий романтизм был непосредственным откликом на политические события во Франции, а также следствием того, что подобные революционные действия в самой Германии были желаемы, но невозможны, – она прочистила горло и продолжила увереннее: – После Французской революции Германия находилась в раздробленном состоянии, и это способствовало феодальной отсталости. В среде немецких мыслителей и поэтов возникло стремление произвести революцию в сфере духовной жизни. Вся энергия, силы ушли в развитие литературы, искусства, интеллектуальной сферы. Они пытались действовать и творить как бы вопреки реальности...

Я присел, внимательно слушая ее, очень надеясь, что на моем лице не отражается не то что недоумение, а самое что ни на есть охренение. Мне что придется трахнуть каждую, чтобы они начали учиться? А с пацанами как быть?

Воу, Тойфель, легче. Не надо даже в шутку такое проворачивать в голове. Это опасные теории.

Маргарита продолжала говорить, вплетая в канву рассказа о политической обстановке в Германии конца восемнадцатого века факты биографии Гете и основные вехи его творчества. Я молча кивал, наблюдая, как двигаются ее губы и поднимается грудь, когда она набирает воздуха, чтобы

продолжить.

Я тут же вспомнил ее грудь на ощупь, как ласкал под свитером так недолго, но даже этого хватило, чтобы ее соски затвердели и побудили меня сжать их между пальцами, легонько сдавить, чтобы вырвать из горла Марго изумленно-возбуждённый стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.